

Р. И. Лаптандер, Категория определенности / неопределенности в структуре простого предложения ненецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург 2007. 172 с.

3 марта 2008 г. в Санкт-Петербурге в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена состоялась защита кандидатской диссертации Розы Ивановны Лаптандер. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора А. П. Володина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Н. А. Лыскова и кандидат филологических наук М. Д. Люблинская.

В современном языкознании одни и те же лингвистические явления нередко рассматриваются под разными углами зрения, что позволяет обнаруживать в объекте изучения все новые и новые особенности. К исследованиям такого рода относится представленная к защите работа Розы Ивановны Лаптандер «Категория определенности / неопределенности в структуре простого предложения ненецкого языка». На материале ненецкого языка эта проблема решается впервые, причем новый материал, вводимый автором, рассматривается с но-

вой точки зрения, а именно — как категория семантики высказывания в функционально-семантическом поле категории определенности / неопределенности. Автор справедливо оценивает данную категорию как скрытую (с. 37). Понятие скрытой категории едва ли не впервые (в 1945 г.) ввел Бенджамен Ли Уорф, назвав ее криптитипом и противопоставив открытым (явным) категориям. Размышления об этих неявных категориях встречаются у Л. Ельмслева (1956 г.), М. Блэка (1960 г.), А. К. Жолковского (1964 г.), А. А. Кретова (1992 г.), А. И. Кузнецовой (2008 г.). К сожалению, судя по отсутствию в библиографии литературы по этой тематике и по умолчанию в дальнейшем о том, что именно автор понимает под «скрытой категорией», Р. И. Лаптандер, видимо, не оценила, сколь ценно ее утверждение. В рецензируемой работе абстрактная категория определенности / неопределенности рассматривается как понятие функционально-семантических полей в духе А. В. Бондарко. С этих позиций Р. И. Лаптандер и дает ха-

рактическую характеристику понятиям определенности и неопределенности, «скрывающимся» и проявляющимся при использовании разных грамматических категорий, подробно в дальнейшем ею анализируемых.

Построение исследования четкое и исчерпывающее. Помимо основной части, состоящей из предисловия, введения, двух глав, выводов, заключения, библиографии (142 наименования), списка сокращений, в работе имеется семь приложений, среди которых тексты, диалекты ненецкого языка, демографические данные (по переписи за 2002 г.), именные и глагольные парадигмы ненецкого языка, список информантов и текстовых источников.

После традиционного предисловия, в котором говорится об актуальности, новизне, предмете, материале и методах исследования, о теоретической и практической его значимости, апробации и структуре, автор переходит к введению и называет ведущий вопрос работы. Вместо ожидаемого «что есть в языке?» ставится интригующий «а почему это есть в нем?» Ответ дан на с. 141: «Сохранению данных показателей (имеются в виду показатели определенности/неопределенности — А. К.) в ненецком языке способствует следующее. 1. В советский период истории уклад традиционной ненецкой семьи практически не претерпел изменений и сохранился по настоящее время (следует оговорить, что автор имеет в виду тот район, где она собирала свой богатый материал — А. К.). 2. Уникален фольклор ненцев и манера его исполнения. 3. Не маловажную роль сыграла и географическая отдаленность традиционных угодий от поселений и устойчивость ненецкого уклада жизни инокультурному влиянию; контакты с русским языком до сих пор не такие частые, как у других уральских народов. 4. Традиционная большетабунная оленеводческая культура как основной вид хозяйства ненцев играет огромную роль в сохранении языка даже в настоящее время. Из всего выше сказанного следует, что ненецкий язык хоть и входит в группу малочисленных языков народов Севера, но

его трудно назвать исчезающим, поскольку он активно используется его носителями во всех сферах жизни наряду с государственным русским языком». (Речь идет о приуральском, ямальском говорах п-ова Ямал и о тазовском говоре п-ова Гыдан, где автор собирала материал с 2004 по 2007 г. — А. К.) К сожалению, ничего не сказано о том, что в говорах Большеземельской и Малоземельской тундры ситуация не столь оптимистична.

Во введении приводится также краткая история изучения грамматики ненецкого языка и подробный обзор исследований по ней.

Глава 1 содержит описание «общетеоретических основ изучения категории определенности/неопределенности». К ним относятся философское понятие данной категории, логический подход к интерпретации анализируемого понятия, а также трактовка категории определенности/неопределенности в лингвистике. В последнем подразделе рассматриваются средства выражения анализируемой категории в уральских языках, из которых автор рассматривает лишь оба угорских, венгерский, энецкий, финский и, как она пишет, мордовский (с. 49, 54), не уточняя, идет ли речь о мокшанском или эрзянском языке, которые приводятся в таблице на с. 55 и 57. В табл. 1 на с. 57 автор исходит из положения о том, что в мордовских языках нет артикля, в то время как А. П. Феоктистов утверждает, что «по семантике употребления указательное склонение эрзянского языка имеет очень много общих моментов с употреблением постпозитивного артикля» (Уральские языки, Москва 1993 (Языки мира), с. 195). Аналогичные утверждения можно найти в ряде статей сборника «Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии» (Ижевск—Лейпциг 2004), где речь идет о многочисленных случаях полифункциональности (или многозначности) аффиксов в уральских языках. При этом авторы в качестве базовых берут разные значения (дейктические, посессивные, demonstra-

тивные), но все сходятся на том, что аффиксы многих из названных категорий в разных языках являются маргинальными артиклями (указ. сборник, с. 130 и след., с. 255 и др.). В свое время уже М. А. Кастрен обратил внимание на то, что суффикс со значением определенности выполняет артиклеобразную функцию; позднее это поддержали А. И. Кузьмина, А. А. Ким, Н. М. Терещенко и др. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях явление обычное. Вопрос состоит в другом: что считать базовой категорией (и надо ли это делать вообще) — определенность, например, или посессивность (что может быть более определенным, чем принадлежащее мне?). Автор и сама сомневается, можно ли назвать четкие и однозначные критерии выбора в качестве базовой конструкции функционально-семантического поля именно определенность (см. ее рассуждения на с. 37—40). Это особенно бросается в глаза в главе 2, когда речь идет о конкретных средствах выражения определенности в ненецких текстах. В последнем разделе главы 1 Р. И. Лаптандер рассматривает средства выражения анализируемых категорий в шести (а по сути — в семи) уральских языках. К ним относятся (1) лексические: а) артикли, б) местоимения, в) лексико-семантические средства, подчеркивающие определенность предмета; (2) морфологические: а) посессивные показатели; б) типы спряжения глаголов; (3) синтаксические.

Глава 2 является основной и наиболее интересной частью работы. Она посвящена конкретному анализу средств выражения взятого функционально-семантического поля на примере уральских языков. На конкретных примерах, собранных от 12 информантов разных возрастных когорт (1930—1984 гг. рождения) и проживающих в Ямало-Ненецком АО, где язык находится в хорошей сохранности, автор подробно рассматривает средства выражения категорий определенности / неопределенности. Они подразделяются, как уже сказано, на лексические, морфологические, включающие именные и глагольные ка-

тегории, и синтаксические. Помимо местоимений разного типа и артиклей упоминаются термины родства и имена собственные в качестве средств, служащих для выражения конкретности, определенности. Среди морфологических средств оформления исследуемой категории (конкретно — субъекта) автор останавливается на выборе типа спряжения глагола. Особое внимание уделено оформлению субъекта посессивными показателями 2Sg, которые многими исследователями приравниваются к значению определенного артикля. Столь же подробно в работе рассматриваются способы оформления объекта, что зависит от типа спряжения глагола и чему также уделено много внимания.

Тщательно анализирует автор синтаксические средства выражения определенности / неопределенности, разбирая порядок слов в предложении, тематические отношения и особые конструкции предложений (напр., предложения, в которых значения лица / числа субъекта и объекта передаются предикатом, выраженным глаголом, или переданы в предикате и лексически субъект не выражен).

Особый интерес вызывает раздел, касающийся жанровых своеобразий употребления категории определенности / неопределенности; в нем проанализированы тексты на ненецком языке (сами тексты приводятся в приложении на с. 165—172). Ввод новых текстов в научный обиход сам по себе заслуживает внимания. На страницах же самого исследования дается скрупулезный анализ их, включающий глоссирование текста, комментарии, диаграммы, отражающие соотношения показателей категории определенности / неопределенности, и даже анализ сюжетных линий сказок.

В этой же части главы 2 приведены результаты статистической обработки средств, с помощью которых выражается категория определенности / неопределенности. К ним относятся посессив, лексические средства (личные местоимения) и глаголы субъектного и объектного спряжений. В пяти таблицах (табл. 5—9) даны количественные

подсчеты по всем четырем средствам выражения категории определенности в текстах. Текст 7 (запись 2004 г.) из газетной статьи резко выделяется на фоне остальных малым количеством форм посессива (менее 29%). Подсчет, проведенный мною, показал, что употребление посессива для выражения определенности в табл. 5 составляет около 50% (текст записан от носителя языка в 1934 г.), как и в табл. 9, содержащей диалоги (запись 2007 г.). В табл. 6 (запись 1956 г.) и 8 (запись 2007 г.) посессив составляет 68,7 и 66,6% соответственно. На основании анализа текстов автор показала, что среди средств выражения определенности доминируют посессивные показатели (почему бы тогда не говорить о функционально-семантическом поле принадлежности?), но они, по замечанию автора, «маркируют не процесс, а субъект или объект. [---] Для выражения определенности субъекта используется глагол в субъектном типе спряжения. Глаголы в объектном (определенном) типе спряжения также характеризуют определенность субъекта, принадлежность ему выполняемых

действий и количество предметов / объектов, над которым эти действия производятся». Автор пришла к общему выводу, что выделение анализируемой категории как грамматической представляется возможным показать только в связном тексте, что и было блестяще продемонстрировано Р. И. Лаптандер.

Высказываемые по ходу рецензирования замечания не затрагивают основного содержания работы. Они носят либо дискуссионный характер, либо характер пожеланий и не могут повлиять на общую высокую оценку исследования Р. И. Лаптандер, которое представляет собой серьезную работу, вносящую значительный вклад не только в изучение ненецкого языка, но и в решение некоторых спорных теоретических проблем лингвистики.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Address:
Ariadna Kuznecova
Moscow State University
E-mail: aikuznec@yandex.ru